

200-летию ТРАКТАТА “К ВЕЧНОМУ МИРУ”

А. В. ВУД

(Корнелльский университет, США)

“Вечный мир” после двух столетий

В 1995 г. особо отмечалась 200-летняя годовщина публикации кантовского эссе “К Вечному миру: философский проект”, которое впервые появилось в конце 1795 г. Вероятно, непосредственным событием, подтолкнувшим Канта написать эссе на эту тему, стал Базельский договор между Францией и Пруссией, подписанный в марте 1795 г. Он фактически и завершил войну Первой коалиции между монархическими государствами Европы и Французской Республикой. “Вечный мир” может трактоваться как выражение поддержки республики и прусской политики мира с Францией. Кант одобряет республику как в “Первой окончательной статье”, в которой говорится, что конституция каждого государства должна быть республиканской, так и во “Второй окончательной статье”, где он размышляет об “одной сильной и просвещенной нации, которая смогла бы воспитать себя до формы республики”, а затем стать “центром притяжения для федеративного союза других государств” (АК 8, 356)*. Монархические госу-

* Кантовские работы цитируются ниже по академическому изданию: Kants Gesammelte Schriften. Ed. Konigliche PreuBische Akademie der Wissenschaften. Berlin: Walter de Gruyter, 1902 - аббревиатура АК и далее том и страница. “Критика чистого разума” цитируется соответственно А/В пагинации.

дарства должны не снисходительно смотреть на революционную Францию, а видеть ее в качестве их лидера.

Конечно, когда Кант писал, он не мог иметь каких-либо надежд на то, что эти взгляды будут разделять люди, стоящие у власти. Менее чем через год король Фридрих-Вильгельм II упрекнул Канта за такие сократические проступки, которые вводят в заблуждение молодежь и выказывают неуважение к христианской религии и Святому Писанию. Кант пообещал не давать лекции и не писать на религиозные темы - это обещание он держал верно вплоть до смерти короля в июле 1797 г. "Вечный мир" может трактоваться как кантовское утверждение о том, что он не имел намерения молчать о других делах, имеющих общественное значение.

Кант был не первым, кто выступил в защиту создания международной федерации государств как пути к достижению международного мира. В конце XVII века Лейбниц младший и Вильям Пенн внесли предложения о таком международном органе власти в Европе. Но непосредственными образцами для Канта были труды Чарльза Ирене Гастеля, Аббата де Сент Пьера, а также выдержки из работ Жан-Жака Руссо. Кант упоминал об этом как в ранних работах, так и в лекциях (АК 8, 24; 8, 313; 27, 470-471), да и в структуре "Вечного мира," давшего начало многим "статьям", есть скрытый намек на Аббата де Сент Пьера.

Мирный проект Аббата был написан в 1713 году в связи с Утрехтским конгрессом. Он стал одним из многих честолюбивых предложений политического устройства общества, которое было повсеместно воспринято как наивный проект с хорошим замыслом. Руссо написал свою работу в 1761 году как часть так и не завершеного издания произведений Аббата. "Вечный мир" Канта можно рассматривать в качестве посредника между подходами к данной проблеме этих двух предшественников. Как и Аббат де Сент Пьер, Кант серьезно обращается к главам государств, настойчиво убеждая их принять советы философов, и пытается доказать существование определенной степени природной гармонии между приказами морального разума и разумом государства (АК 8, 343, 368-369). Однако, как и Руссо, Кант не считает законность существующих династических систем самой собой разумеющейся и не вверяет полностью дело мира в руки просвещенному своекорыстию монархов. Основная аудитория, для ко-

торой написан “Вечный мир”, - это человечество в целом. Кант устанавливает принципы международного права, которые соединяют все человечество воедино, а поэтому особенно уместны для тех, кто держит власть над государствами.

В отличие от проекта Аббата де Сент Пьера, который был предложен на конгрессе государств по особому случаю, кантовский проект носит чисто философский характер, его статьи имеют неограниченную космополитическую цель и представлены как предписания каждого индивидуального разума. Однако воспринимать их как набор вневременных нравственных принципов было бы серьезной ошибкой. Мы вскоре увидим, что Кант замыкает свой философский проект в свете определенной философии истории, обращаясь к определенной исторической ситуации и формулируя особую историческую задачу грядущего века.

“Вечный мир” - одна из наиболее популярных работ Канта. Она стала одним из известнейших произведений, созданных каким-либо крупным философом на тему мира между нациями, - тему, которая в наше время стала вопросом жизни и смерти всей планеты. Проект Канта является предвестником самых передовых практических проектов в сфере международных отношений - таких, как Лига наций, созданная после первой мировой войны, и ООН - после второй. Эта работа Канта также является поразительным пророчеством действительных событий XX века, что отличает ее от сходных проектов, написанных ранее. Философский проект Канта является поистине космополитическим по своей цели, а не ограниченным рамками христианских государств Европы (какими были все ранее созданные проекты). Его статьи являются не просто наставлениями *ius gentium*, относящимися к связям между суверенными государствами, но идут дальше этого и выражают в себе принцип *ius cosmopolitan*, который считает всех людей на земле “единым универсальным сообществом”, или “универсальным государством человечества”, основанным на универсальном праве человечества” (АК 8, 349n, 360; cf. АК 6, 352-353).

Но Кант не предлагает создать мировое государство (АК 8, 367). Он считает, что разделение народов на независимые государства является необходимой защитой как личной свободы, так и тенденций к общественному прогрессу. Он даже говорит о том, что война сама по себе - это полезное природное устройство в

истории человечества, так как оно позволило сохранить независимость народов; война также явилась стимулом к разностороннему развитию человеческих способностей (АК 8, 119-120). Но Кант придерживается мнения, что история настоящего времени достигает критической точки: положительные последствия войны подавляются разрушительными действиями военной силы и системой общественной безопасности, основанной на ней (АК 8, 367-368; cf; АК 6, 344). Исторический прогресс человечества сможет продолжиться только тогда, когда система взаимнезависимых государств перерастет в федеральный союз, основанный, конечно же, на торговых отношениях и собственных интересах, союз, который одновременно будет воплощать все более тесное единство рациональных принципов, основанных на постоянно расширяющемся общении и на появлении просвещенной мировой культуры.

Довод Канта по этому историческому тезису вытекает из нехитрых размышлений об экономической важности того факта, что современные государства видят свою безопасность в состоянии постоянной готовности к войне. Кант считает, что это недавно возникшее историческое явление и величайшая угроза, с которой еще столкнется человеческая история в конечных целях нашего рода (АК 8, 22-24; 310). Из трех сил государства, на которых зиждется военная власть, а именно: сила армии, сила союзничества и сила денег, - Кант выделяет последнюю как наиболее надежную. Он особенно подчеркивает значимость новой практики финансирования за счет государственного долга не только самой войны, но и недееспособной военной силы даже в так называемое "мирное время" (АК 8, 345; cf. АК 8, 28).

Обратив внимание на то, что способность нации начать войну в большей степени зависит от того, насколько сильна ее экономика, чем от доблести или стратегических умений ее государственных деятелей и генералов, Кант начал осознавать, как современная война все больше становится столкновением двух экономик, а не схваткой между двумя армиями.

Но "дух торговли", который являет собой мощь современных государств, совершенно несовместим с современным военным государством (АК 8, 368). Нация, отдающая приоритет вооружению, не только лишает своих людей благополучия, но и останавливает научное, культурное и моральное развитие. "Необходи-

мость находиться в постоянной готовности к войне”, говорит Кант, влечет за собой пустую трату человеческих способностей, которая “задерживает полноценное развитие человеческой природы” (АК 8, 26; cf. 8, 24, 121, 312, 345). Таким образом, постоянная гонка вооружений является основной угрозой человечеству - даже более опасной, чем действительное разрушение и кровопролитие самой войны.

Кант в “Вечном мире” считает, что такие понятия, как война и национальная безопасность государства, основанная на военной защите, должны представляться людям как исторически отжившие. Он отрицает, что подлинный мир между нациями может быть достигнут через систему взаимосдерживающих военных средств. Напротив, для прогресса к конечным целям человечеству требуется подлинный вечный мир, в котором война станет отдаленным и ничего не обещающим путем для нации и будет восприниматься как бессмысленная и невозможная (АК 8, 343; 345-346).

Кант также утверждает, что растущая зависимость военной силы от экономической имеет тенденцию скрытно работать в пользу этой нравственной задачи (АК 8, 360-368). Она заключается в том, что политика принесения в жертву развития науки и торговли, направленная на поддержку военной готовности, в конце концов приведет к обратным результатам (АК 8, 28; cf. АК 8, 313, 368). Государства, развитие экономик которых ориентировано на войну, будут отставать в экономическом развитии (по сравнению с теми, которые ориентированы на благополучие их народа и прогресс), а со временем они будут отставать также и в военном развитии. Государства, которые являются республиканскими и, таким образом, более свободны и справедливы, станут экономически более сильными; в них решения будут приниматься теми, кто будет обязан оплачивать издержки на вооружение и войну, а не тем военно-аристократическим классом, который получал от них прибыль. Таким образом, люди осознают, что единственный путь к подлинной национальной безопасности состоит в объединении государств в мирную федерацию.

Опыт крепкой связи милитаризма с капитализмом XIX века продемонстрировал, что серьезная угроза миру и прогрессу может возникнуть не только в раннем феодальном деспотизме кантовской Пруссии, но и в либеральной представительной респуб-

лике, на которую он возлагал надежды. Он, наверняка, был бы обескуражен тем, что по прошествии двух веков с написания его работы ведущая современная мировая республика станет одним из главных мировых торговцев оружием, нацией, чья экономика находится в огромной зависимости от военных технологий и производства. Однако те силы, о которых писал Кант, все еще существуют. Республики с большой осторожностью вступают в войну, и сомнительно, что какая-либо нация сможет оставаться в положении сверхсильной, базируясь только на высокоразвитой военной экономике. В истории нашего времени действует множество конфликтующих сил и взаимопересекающихся течений. Никто не может предсказать ее конечный исход.

Кантовская философия истории утверждает, что философия, как и религия, имеет свой “хилиазм”, свою надежду на тысячелетие мира, правосудия, свободы и просвещения. Но она не утопична, поскольку основывается на практической идее, к которой мы можем и должны стремиться (АК 8, 27). Кант, конечно же, не ожидает, что новый мир вскоре будет осуществлен, и не заявляет, что победа разума в истории будет легкой и неизбежной. Историческая задача философии состоит не в том, чтобы привести старый мир к жестокому концу, а в том, чтобы сохранять живым дух просвещения, который является единственным необходимым условием для человечества, чтобы продолжить свое медленное и трудное продвижение в направлении прогресса.

Популярность “Вечного мира” несложно объяснить. Гораздо более озадачивает относительное пренебрежение им серьезных философских школ, которое нельзя объяснить тем, что доводы, приведенные в “Вечном мире”, просты и не проблематичны. Напротив, текст изобилует проблемами, которые были едва ли замечены, не говоря уже об их решении.

Сама структура “Вечного мира” загадочна. После краткой ироничной преамбулы Кант начинает с перечисления “статей”, сначала “предварительных”, затем “окончательных”, об условиях мира между государствами. Откуда Кант берет эти статьи? Как он предлагает отстаивать их? Как две серии статей соотносятся друг с другом? За статьями следуют два любопытных “дополнения”, первое - о философии истории, второе - о роли философов как советников политических лидеров по вопросам войны и мира.

“Вечный мир” завершается двумя “приложениями” о связи между моралью и политикой. Как эти “дополнения” и “приложения” связаны друг с другом и с двумя сериями статей? Содержится ли в этом эссе какой-нибудь унифицированный довод?

Льюис Вайт Бек предположил, что кантовский довод начинается с антропологически-исторического описания, представленного в “гарантии постоянного мира” в Первом дополнении. Это делает законно оправданной вторую, морально-философскую фазу довода, которая демонстрирует целесообразность морально-политических принципов, изложенных во Втором дополнении и в двух приложениях. Эти принципы, в свою очередь, оправдывают Окончательные статьи, которые, согласно Беку, являются не чем иным, как нравственными законами, переведенными на язык права и политики. И, наконец, Окончательные статьи обосновывают Предварительные статьи (с которых начиналось эссе). Они только уточняют с помощью технических императивов те условия, при которых государства смогут реализовать идею, представленную в Окончательных статьях.

Такое прочтение “Вечного мира” представляется мне захватывающим, в то же время этот текст проблематичен и неясен - насколько же косвенным, гипотетическим, спорным должно быть любое толкование его общего довода. Если Бек прав, то не только “Вечный мир”, но и кантовская нравственная философия сама по себе должна основываться на кантовской антропологии и философии истории - аспект его философии, который часто упускают из виду и который остается малопонятным. Интерпретация Бека не проясняет исторического оптимизма, из которого Кант исходит, провозглашая так называемую “гарантию” вечного мира. Являются ли его основания эмпирическими или теоретическими? Или же это просто практический постулат или статья о моральной вере (такие, как, например, безнравственность или существование Бога), которые мы должны принимать для практических целей и которые не имеют теоретической поддержки? В нем также не говорится, насколько сильную “гарантию” вечного мира Кант имеет в виду - придерживается ли он того мнения, что мир между нациями исторически неизбежен, или он только является возможностью, которую люди, морально свободные, смогут или не смогут реализовать. Толкование Бека также оставляет открытым такой волнующий вопрос, как природа международной фе-

дерации, предлагаемая Кантом. Кант подразумевает, что федерация государств будет добровольной, и он выражает надежду на то, что эта федерация продвинется к чему-то более сильному, а именно к "универсальному государству наций" (allgemeiner Volkerstaat) (АК 8, 313). Ни федерация, ни государство наций не должно быть всемирным государством: члены его сами являются независимыми государствами, объединенными в соответствии с общими принципами права. Однако, в отличие от Аббата де Сент Пьера, Кант не предлагает никакого механизма определения или насаждения международного права.

В кантовском объяснении отсутствуют не только практические рекомендации, но и теоретические обоснования для системы права, которые применялись бы в пределах международной федерации.

Я думаю, что главной причиной того, почему большинство исследователей Канта были склонны не обращать внимания на все эти проблемы, является то, что концепцию Вечного мира обычно не рассматривают как обращающуюся к основным значениям философии Канта. В соответствии с конструктивными предположениями сам Кант работал в направлении трех "Критик".

Я хотел бы попробовать по-новому взглянуть на единство кантовской философии; этот подход дает нам право поставить в центр важнейшие вопросы концепции Вечного мира. Моя мысль состоит в том, что в целом Кант рассматривал не только концепцию Вечного мира, но даже критическую философию с исторической точки зрения - как направленную на особую ситуацию внутри универсального процесса человеческой истории. Мы можем взглянуть на концепцию Вечного мира как на центральную по отношению к критической философии, рассматривая единство данной философии с точки зрения самоопределения ее исторической задачи.

Для Канта история человечества - это целенаправленный процесс. Для всех видов живущих существ цель Природы в отношении рода человеческого состоит в полном развитии его склонностей и способностей. Поскольку человеческие существа способны развиваться, изобретая и даже выбирая образ жизни по отношению к миру, могущество рода людского скорее принадлежит всему человечеству, чем отдельным индивидам, и целому историческому наследию поколений, чем отдельным индивидам, чем лю-

дям в отдельно взятое место и время. Средства, доступные природе для развития этих склонностей, являются уникальными. Они заключаются в установлении связи между людьми, которую Кант обозначает парадоксально: “необщительная общительность”. Это понятие основано на склонности, свойственной природе человека, которую Кант называет “самоуверенностью”, - желанием быть признанным другими в силу обладания большей значимости по сравнению с собратьями-людьми. В соответствии с замыслом природы самоуверенность провоцирует необщительно-общительное состояние неудовлетворенного соперничества между человеческими существами. Такое соперничество делает нас не только злыми, но и несчастными, однако в то же время содействует коллективному развитию наших видовых способностей.

Необщительная общительность обильно процветает в “цивилизованных” условиях - в городском обществе, где наблюдается разнообразие ремесел и отраслей промышленности, которое основано на сельскохозяйственной экономике. Цивилизация ведет к бесконечному разнообразию видов жизненной деятельности, а также к конкурирующему развитию всех человеческих способностей. Основной и в то же время высшей и самой независимой способностью человека является разум. Рассматриваемый с отрицательной точки зрения, разум обеспечивает свободу от инстинкта, что дает людям возможность развивать и совершенствовать свою природу в целом. Вместе с тем разум обладает и положительно-освободительной чертой - он способен создавать законы и устанавливать цели, которые независимы и даже, в некотором роде, диаметрально противоположны целям, установленным для людей их инстинктами и естественными склонностями.

Таким образом, когда разум освобождается от природы, он начинает сознавать человеческую значимость, которая напрямую сталкивается со склонностью к самоуверенности. Закон, произведенный разумом, относится ко всем разумным существам без каких-либо преимуществ и исключений, поскольку основан на достоинстве каждого разумного существа как самоцели. Этот закон вменяет людям считать себя членами идеального общества, или “царства целей”, в котором их цели не являлись бы больше враждебными по отношению друг к другу, но образовали бы органическое целое. Таким образом, цивилизованные условия далее характеризовались большей разницей в социальном статусе и крайней

степенью богатства или бедности, которые последовательно нарушают принципы права и морали, автономно предписываемые разумом.

Соответственно наши естественные наклонности, основанные на самопредпочтении и соперничестве, неизбежно испытывают на себе бремя законов разума. Поэтому эти законы для нас должны являться императивами, и самой сильной человеческой воле ничего не остается, как неохотно подчиниться долгу. Следовательно, рассматриваемый исторически, наш род страдает от своей парадоксальной предопределенности, которая должна обратить состояние войны в состояние мира: "То, что характерно для человеческой расы, в сравнении с идеей возможных разумных существ на земле, в общих чертах представляет собой следующее: природа заронила в нее зерно разлада и пожелала, чтобы ее собственный разум породил согласие". Решающий перелом в этой истории наступает тогда, когда разум достаточно созреет для того, чтобы освободиться от оков природы и предписать свои законы самому себе. Поскольку сам разум существует только через человеческое общение, отвергнуть ведущую роль как природы, так и традиции становится задачей не только индивидов, но и всей общественности. Кант считал свой век веком Просвещения. Особая историческая задача этого века, и особенно для философов, - сформулировать принципы разума, который начинает мыслить сам по себе, или, другими словами, становится законодательным.

Этот перелом в истории, особенно в теоретическом контексте, Кант называет "критикой". "Критика чистого разума" описывается как метафорический праведный суд, в котором самоданные законы разума применимы к требованиям метафизики. Она заявляет, что современный век - это "век критики", в котором все требования, включая религиозные и политические, должны подчиниться свободному и открытому исследованию общественного, разумного интереса. В практической философии век Просвещения, или критики, известен как "автономия". Для века Просвещения моральная философия должна быть основана только на законах, которые разумные существа установили сами.

Кант описывает проблему разработки справедливого политического устройства как "последнюю и величайшую для человеческих существ". Век Просвещения должен сам поставить задачу для того, чтобы цель природы, состоящая в развитии склонно-

стей человеческой расы, могла продвигаться к своему осуществлению.

И все же поскольку политический строй, организованный вокруг приготовлений к войне, должен извращать культуру человека и подорвать продвижение человечества к справедливости, эта последняя и самая трудная проблема может быть решена, если только человеческая раса достигнет также справедливых и мирных отношений между государствами. Поэтому на той исторической стадии основание международной федерации, посвященной Вечному миру, является для Канта условием всего дальнейшего исторического развития. Таким образом, единство философии Канта можно рассматривать как единство исторической задачи Просвещения. При таком подходе проблема Вечного мира становится центральной для кантовской философии критики и просвещения. Три "Критики" и философская система, которая должна быть основана на них, стремятся к рациональной мыслительной системе, историческая реальность которой как человеческой деятельности непосредственно связана с проблемой Вечного мира. Вкратце проблема Вечного мира - это условие исторической вероятности любой цели - как природы, так и разума, - относящейся к человеческим существам; следовательно, когда критическая философия рассматривается с точки зрения своей исторической задачи, эта проблема становится центральной.

Время Канта, конечно, больше не принадлежит нам. XX век - век не Просвещения, а век утраты иллюзий. Уверенность Канта в существовании универсального разума резко критикуется как крайними скептиками, так и энтузиастами - новыми и старыми. Сам разум сейчас раздроблен и, подобно осколкам разбитого зеркала, отражает не просто реальность, но все разнообразие сталкивающихся аспектов. Мы слышим о понятии "новый мировой порядок", но слово "хаос" является более подходящим. Представительная республика не принесла с собой человечеству мира и справедливости, породила беспрецедентную систему столкновений и эксплуатации. В течение первых ста лет после того как появилась концепция Вечного мира, лучшие надежды радикальной традиции Просвещения нашли свое место в марксистском социализме. Но к концу второго столетия эксперимент социалистов терпит крах, и радикальный исторический оптимизм Просвещения осмеивается теми, чьей реакцией на его падение является

либо горькое разочарование, либо триумфальное ликование. Эти события, однако, никак не дискредитировали марксистскую критику капитализма, она получила лишь новое подтверждение, поскольку пропасть между богатыми и бедными - как внутри общества, так и между самими общественными образованиями - становится все шире и шире, и при данном международном экономическом режиме те, кто трудится, все больше и больше угнетаются теми, кто владеет.

Но действительно ли сам ход истории дискредитировал некий исторический оптимизм, который мы находим в самом Просвещении? Кант написал свой Вечный мир при режиме, по поводу которого у него не было иллюзий, адресуя свой труд тем самым властям, которые еще недавно упрекали его за идеи Просвещения. Возлагая свои надежды на Французскую революцию, Кант в то же время отрицал насильственную революцию как средство политического прогресса, даже по отношению к французскому эксперименту, высказывая предположение, что он "может быть наполнен таким страданием и жестокостью, что ни один здравомыслящий человек не решился бы его возобновить такой ценой, даже если бы он мог надеяться удачно завершить этот эксперимент при вторичной попытке". Даже защита Кантом идеи исторического прогресса всегда подтверждалась следующим признанием: "...иногда он (исторический процесс) может быть приостановлен, но никогда не может быть прерван окончательно".

Некоторые усмотрели в этих определениях неприглядное самодовольство и даже консервативный по своей сути дух. Я вижу нечто другое - мудрое утверждение, что хилиазм философии никогда не должен переходить в энтузиазм, и не следует проявлять настойчивость и нетерпение в попытке учесть его надежды, возлагаемые на историю. Мы не можем позволить им обернуться отчаянием при провале любого социального движения или политического эксперимента. Нашему разочарованию еще в меньшей степени следует позволять настраивать нас против этих самых идей Просвещения, разума, гуманности и прогресса - как это произошло сначала со многими романтиками в начале XIX века, а затем с такими же запутанными и беспокойными умами в конце XX века.

В свое время проект Аббата де Сент Пьера, который автор назвал "Европейским Союзом", был осмеян и не признан всеми,

за исключением нескольких непрактичных мечтателей и отрешенных от жизни философов. Все-таки сегодня существование Европейского Союза не просто достигнуто, но даже полностью превосходит все надежды Аббата, которые были отвергнуты современниками как причудливые. Мы не знаем, произойдет ли подобное с другими проектами, порожденными мышлением радикального века Просвещения в дни Канта и впоследствии. Мало какие из этих надежд имеют шанс претвориться в жизнь, и многие их цели даже производят впечатление быстро удаляющихся от нас - точно так же мечта Аббата де Сент Пьера о Европейском Союзе, безусловно, должна была казаться далекой от своей реализации во время двух чудовищных войн, которые уничтожили Европу в первую половину нашего столетия. Хотя, с кантовской точки зрения, по поводу этих великих исторических целей стоило бы задать единственный вопрос: является ли общей обязанностью человеческой расы достигнуть их? Если это так, тогда имеет смысл сформировать взгляд на самих себя и нашу историю посредством постулата, что когда-нибудь эти цели могут быть достигнуты, и затем найти естественные и социальные механизмы, объединенные с нашими усилиями для их достижения.

В конце XX века, века утраты иллюзий, самая современная (и в тоже время самая немодная) концепция Вечного мира является, без сомнения, упрямым, здравым, принципиальным историческим оптимизмом, на котором Кант основывал свой довод.

Перевод с англ. Н. Бондаренко.

Т. И. ОЙЗЕРМАН

(Институт философии РАН)

И. Кант и Просвещение

Эпоха Канта - эпоха Просвещения, широкого антифеодального общественного идеологического движения, которое именно в XVIII в. достигает своей кульминации. Выдающиеся деятели французского Просвещения, наиболее влиятельного в этом веке, были старшими современниками Канта. Ж.-Ж. Руссо оказал значительное влияние на этику Канта. Немецкие просветители, во